

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.851.3

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-131-147>

Насильственная преступность против личности в современной России: состояние и проблемы криминологической характеристики

Я. С. Яхонтова¹ ✉

¹Барнаульский юридический институт МВД России
ул. Чкалова, д. 49, г. Барнаул 656056, Российская Федерация

✉ e-mail: yana.barnaul@gmail.com

Резюме

Актуальность. Насильственные преступления, посягающие на незыблемые человеческие ценности, а именно жизнь и здоровье, являются неотъемлемой частью жизни общества. Современные реалии обуславливают необходимость изучения и анализа актуальных сведений о состоянии насильственной преступности, а также выявления существующих недостатков системы учета рассматриваемых преступлений.

Целью исследования является повышение эффективности работы правоохранительных органов на основе системного изучения криминологической характеристики насильственной преступности против личности, ее состояния и динамики в современной России, в том числе выявление существующих недостатков в системе учета насильственных преступлений органами внутренних дел и выработка путей возможного их преодоления.

Задачами исследования являются идентификация реального состояния насильственной преступности против личности в современной России; выявление изменений в ее состоянии в период с 2018 по 2022 год; установление основных факторов, которые могут оказывать существенное влияние на официальную статистику и учетно-регистрационную дисциплину в системе Министерства внутренних дел России, и их учет.

Методология. Методологическую базу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ, синтез, формально-логический, системный, статистический.

Результаты. В статье приведен анализ основных криминологических показателей насильственной преступности против личности в современной России. Рассмотрены частные факторы, влияющие на эффективность системы учета преступлений, рассмотрены и классифицированы способы внесения сотрудниками МВД России информации, которая может повлиять на достоверность официальных статистических данных.

Выводы. В рамках исследования был определен круг преступлений, отнесенных к насильственным. Обоснована необходимость внедрения отдельных статистических форм, направленных на сбор сведений о насильственной преступности.

Рассмотрены факторы, которые могут иметь влияние на достоверность и точность официальных данных. Отдельное внимание было уделено такому явлению, как искусственная латентность преступлений. Проанализирована взаимосвязь способа оценки эффективности деятельности территориальных органов внутренних дел с феноменом искусственной латентности преступлений.

Ключевые слова: насильственные преступления; преступления против личности; латентная преступность; искусственная латентность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Яхонтова Я. С. Насильственная преступность против личности в современной России: состояние и проблемы криминологической характеристики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 131–147. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-131-147>.

Поступила в редакцию 31.01.2024

Принята к публикации 25.03.2024

Опубликована 27.04.2024

© Яхонтова Я. С., 2024

Violent Crime Against Persons in Modern Russia: State and Problems of Criminological Characteristics

Yana S. Yakhontova¹ ✉

¹Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
49 Chkalova Str., Barnaul 656056, Russian Federation

✉ e-mail: yana.barnaul@gmail.com

Abstract

Relevance. Violent crimes that infringe on unshakable human values, namely life and health, are an integral part of society's life. The rapid change in social, economic and political conditions leads to the intensification of social tension of the population and can provoke an increase in the level of violent crime. Modern realities make it necessary to study and analyze up-to-date information about the state of violent crime, as well as to identify existing shortcomings of the accounting system for the crimes under consideration.

The purpose of the study is to improve the efficiency of law enforcement agencies based on a systematic study of the criminological characteristics of violent crime against the individual, its state and dynamics in modern Russia, including identifying existing shortcomings in the system of accounting for violent crimes by internal affairs agencies and developing ways to overcome them.

The objectives of the study are to identify the real state of violent crime against the individual in modern Russia; to identify changes in its state in the period from 2018 to 2022; to establish the main factors that can have a significant impact on official statistics and accounting and registration discipline in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and their accounting.

Methodology. The methodological basis of the research consists of general scientific and private scientific methods of cognition: analysis, synthesis, formal-logical, systematic, statistical.

Results. The article provides an analysis of the main criminological indicators of violent crime in modern Russia. Particular factors affecting the effectiveness of the crime accounting system are considered, ways of entering information by employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia that may affect the reliability of official statistical data are considered and classified.

Conclusion. Within the framework of the study, the range of crimes classified as violent was determined, the validity of attributing crimes committed with the use of instrumental violence to the category of violent crimes against the person was considered. The necessity of introducing separate statistical forms aimed at collecting information about violent crime is substantiated.

Factors that may have an impact on the reliability and accuracy of official data are considered, special attention was paid to such a phenomenon as artificial latency of crimes. The interrelation of the method of assessing the effectiveness of the activities of territorial internal affairs bodies with the phenomenon of artificial latency of crimes is analyzed. In our opinion, a real reduction in the level of artificial latent crime could be influenced by a change in the accounting system for evaluating the effectiveness of the activities of territorial internal affairs bodies.

Keywords: violent crimes; crimes against the person; latent crime; artificial latency.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Yakhontova Y. S. Violent Crime Against Persons in Modern Russia: State and Problems of Criminological Characteristics. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024; 14(2): 131–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-131-147>

Received 31.01.2024

Accepted 25.03.2024

Published 27.04.2024

Введение

Личная безопасность является базисной, неизменной ценностью для каждого отдельно взятого человека и остается та-

ковой независимо от происходящих социальных изменений. Ее обеспечение — одна из приоритетных задач, стоящих перед руководством нашей страны. Обеспечение личной безопасности граждан

неразрывно связано с реализацией мер профилактики совершения насильственных преступлений. Данная деятельность регламентирована положениями Федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹, которым определен круг субъектов, участвующих в осуществлении мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний.

Одним из основных субъектов, на который возложена эта обязанность, является Министерство внутренних дел². Для эффективной реализации установленных задач необходимо владеть информацией, объективно отражающей уровень, структуру и динамику насильственной преступности в современной России. Серьезную роль при этом играет как точность и действенность существующей системы учета преступлений, так и концептуальное понимание перечня противоправных деяний, отнесенных в рамках официальной статистики к насильственным преступлениям против личности. В настоящее время нет единой формы учета всего массива насильственных преступлений, как нет и нормативно закрепленного понятия насильственной преступности против личности. Данные о ее состоянии возможно получить только путем самостоятельного изучения и анализа различных блоков статистических данных и вычленения сведений об отдельных преступлениях исходя из их ответственности критериям насильственного.

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199976/ (дата обращения: 12.10.2023).

² О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 12.12.2023).

В научной среде до настоящего времени данный вопрос остается дискуссионным, несмотря на то, что освещался с различных ракурсов в работах таких ученых, как С. Н. Абельцев [1], Я. И. Гишинский [2], Ю. М. Антонян [3], В. Н. Кудрявцев и А. В. Наумов [4], И. С. Скифский [5], Л. Д. Гаухман [6], Р. Д. Шарапов [7], Р. А. Базаров [8], И. Я. Козаченко и Р. Д. Сабиров [9], А. Н. Ильяшенко [10], В. В. Лунеев [11], поскольку элемент насилия в том или ином виде присущ очень широкому кругу преступлений и приводятся различные позиции по поводу отнесения конкретных составов преступлений к насильственным преступлениям против личности.

Насилие может быть как самоцелью совершаемого преступления, так и инструментом достижения преступного результата [4, с. 3]. «Инструментальное насилие» подразумевает, что оно используется как средство, метод, мера для достижения любой цели, чаще всего с корыстной мотивацией, например, при грабеже, разбое, вымогательстве, бандитизме. «Насилие-самоцель» применяется ради самого насилия, например, убийство, причинение вреда здоровью с целью лишения жизни, телесного повреждения из мести, ревности [12, с. 141].

Одним из не разрешенных остается вопрос отнесения преступлений, совершенных с использованием инструментальной агрессии, к насильственным преступлениям против личности.

Ю. М. Антонян поднимает указанный вопрос в одной из своих работ: «Спорный вопрос о том, к какой группе преступлений нужно относить те, в которых насильственный способ преступления сочетается с корыстной целью (разбой, грабеж, вымогательство), — так называемые корыстно-насильственные преступления, полагаем, необходимо решать в пользу отнесения их к группе насильственных преступлений. Их следует считать насильственными, главным образом потому, что неприкосновенность

личности, ее здоровье, честь и достоинство должны цениться выше, чем имущество. Отсюда называть их можно и насильственно-корыстными» [13, с. 3].

Другой позиции в своих публикациях придерживается О. В. Артюшина, которая говорит, что «основным признаком насильственных преступлений является физическое или психическое насилие над личностью или угроза его применения. При этом насилие является элементом мотивации, а не средством достижения криминальной цели. На этом основании в число таких преступлений не включаются насильственный грабеж, разбой, вымогательство, террористический акт, диверсия и ряд других деяний, где проявляется так называемое инструментальное насилие, используемое исключительно как средство достижения иной преступной цели – корыстной, политической и т. п.» [14, с. 18].

В рамках проводимого исследования мы склоняемся к более широкому толкованию понимания насильственного преступления, поскольку сама сущность насилия остается неизменной вне зависимости от того, есть ли оно конечная цель преступления или инструмент.

Методология

Методологическую основу научного исследования составил всеобщий диалектический метод познания. Посредством системного, а также формально-логического метода научного познания произведено выделение группы составов преступлений, отнесенных автором к категории насильственных. Использование статистического метода позволило определиться с количественным состоянием насильственной преступности, а также качественным её изменением за последние пять лет. Применение методов анализа и синтеза позволило выявить один из факторов, влияющих на эффективность учета преступлений в системе МВД России, а также рассмотреть и классифицировать способы внесения сотрудниками

ведомства информации, которая может оказывать влияние на достоверность официальных статистических данных.

Результаты и их обсуждение

Традиционно, говоря о насильственных преступлениях против личности, имеют в виду противоправные деяния, ответственность за которые предусмотрена только разделом VII Уголовного кодекса Российской Федерации – «преступления против личности». Законодатель при отнесении противоправных деяний в данный раздел руководствовался такими критериями, как объект преступных посягательств и мотивация. Первостепенную важность представляло только одно – является ли таким объектом именно и только человек [15, с. 85].

Однако нельзя ставить знак равенства между преступлениями, посягающими на личность, и насильственными преступлениями против личности. Так, Ф. Б. Мулюков в своем исследовании посвятил отдельное место разработке и уточнению понятия преступления против личности. Он предлагает понимать его как виновно совершенные умышленные или по неосторожности общественно опасные деяния, исполняемые как с применением насилия либо угрозой его применения, так и без таковых, запрещенные под угрозой наказания¹. Из предложенного понятия ясно, что преступления против личности могут быть совершены и без применения насилия. В свою очередь, очевидно, что преступления, посягающие на общественные отношения, охраняющие неприкосновенность личности, содержатся не только в VII разделе Уголовного кодекса Российской Федерации. По мнению В. Г. Татарникова, подход к размещению составов преступлений по разделам и главам Уголовного кодекса Российской Федерации вызван соображени-

¹ Мулюков Ф. Б. Наказание и его назначение за преступления против личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. С. 8.

ями методологического порядка и отражает направленность того или иного преступления против личности, которая выступает в качестве либо основного, либо дополнительного объекта посягательства [16, с. 28]. Данное положение находит свое подтверждение при анализе 317 составов преступлений, отнесенных в иные разделы Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, 90 из них напрямую предусматривают последствия в виде причинения разной степени тяжести вреда здоровью и даже смерти человека, причиненные как умышленно, так и по неосторожности.

До настоящего времени в научной литературе нет единого мнения о системе насильственных преступлений против личности, однако учеными выделяется ряд присущих им характерных признаков:

- 1) преступность деяния в целом;
- 2) однородный объект посягательства (общественные отношения, ядро которых составляют физические блага личности);
- 3) одинаковый по своей сущности способ действия, характеризующий объективную сторону преступления (альтернативно: физическое насилие или угроза его применения);
- 4) умышленный (сознательный) характер фактически применяемого насилия (угрозы насилием)¹.

В сущности, мы разделяем традиционную точку зрения к подходу определения признаков, характеризующих насильственные преступления против личности, но считаем, что о преступном насилии можно говорить не только как о мотиве, но и как инструменте совершения преступлений, разделяя мнение Р. Д. Шарапова. В своей работе он указывает, что «основным принципом построения системы насильственных преступлений должен стать максимальный охват ею

всего спектра основных объектов насильственных посягательств. Криминологически значимая выборка насильственной преступности должна быть представлена типичными посягательствами данной категории из наибольшего количества глав Особенной части УК РФ (ст. 105–108, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 130, 131, 132, 156, п. «г» ч. 2 ст. 161, 162, 163, 179, 203, 205, 206, 213, 277, п. «а» ч. 3 ст. 286, 295, 296, 302, 317, 318, 319, 321, ч. 2 ст. 330, 333, 334, 335, 336 УК РФ)». При этом Р. Д. Шарапов различает понятие насильственного преступления и категорию преступного насилия. «Категория преступного насилия охватывает собой преступления, являющиеся изначально насильственными по своей природе (побои, истязание и т. п.), а также насильственный способ совершения отдельных преступлений, которые могут совершаться и ненасильственным путем»².

Вместе с тем считаем достаточно неоднозначной позицию авторов³, которые в перечень насильственных предлагают включить преступления, при совершении которых насилие как таковое не используется, однако они направлены на побуждение иных лиц к совершению насильственных преступлений (призывы к насилию), поскольку отнесение преступлений к категории насильственных имеет не только теоретическое обоснование, но и практическую обусловленность. Сущность преступления указывает на особенности совершающего его лица, предопределяет силы и средства, используемые для его профилактики.

² Шарапов Р. Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 9.

³ Шадян Ш. А. Предупреждение рецидива тяжких насильственных преступлений, совершаемых против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 19.

¹ Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2022. С. 54.

В результате анализа противоправных деяний, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, исходя из соответствия перечисленным характеризующим признакам в перечень насильственных преступлений автором было включено 79 уголовных составов. В рамках проведения анализа насилие рассматривалось не только как цель, но и как способ совершения преступления. На наш взгляд, отнесение преступлений, совершенных с использованием инструментального насилия, основным объектом посягательства которого являются не личность, а иные блага, к насильственным преступлениям против личности вполне оправдано.

Наиболее показательным примером может служить вопрос отнесения насильственного грабежа и разбоя к преступлениям против собственности. Исходя из логики законодателя, такое решение было принято, опираясь на цели и мотивы совершения таких преступлений, поскольку они посягают на иной объект и центральным является корыстный мотив. В свою очередь, попираание прав и свобод человека при совершении иных преступлений говорит об их большей общественной опасности, поскольку лицо, совершающее такого рода преступления, изначально имеет искаженную систему ценностей, в которой допустимо причинить вред здоровью или жизни человека, преследуя цель получить блага в иных менее значимых сферах. Следует полагать, что люди, совершающие корыстно-насильственные преступления, осознанно выбрали для себя такую парадигму поведения, которая заключается в готовности использовать насилие для достижения любой интересующей их цели. Использование насилия в качестве инструмента демонстрирует осознанность его применения, а также определенный вызов обществу и государству. Абстрактно можно сказать, что корыстно-насильственные преступники – это насильственные преступники, которые перешли на новый

уровень, для них применение насилия стало обыденностью и перестало быть самоцелью.

Преступность, как и всякое социальное явление, можно охарактеризовать как количественно, так и качественно. Для освещения существующей ситуации обратимся к официальной статистике МВД России в период с 2018 по 2022 г. и проведем анализ исходных данных.

Всего в течение 2022 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1 966 795 преступлений, что на 1,9% меньше, чем в 2021 г., из них в отчетный период было совершено 1 619 087. Некоторый спад в количестве зарегистрированных преступлений можно считать естественным, не зависящим от причинно-следственного комплекса [17, с. 148], которым апеллирует современная криминология. На 1 января 2023 г. население страны официально составляло 146 424 729 человек¹. Исходя из имеющихся данных, можно говорить о том, что уровень преступности в 2022 г. на территории РФ составил 1343,2 зарегистрированных преступления в расчете на 100 000 человек, в 2021 г. этот показатель составил 1377,1, в 2020 г. – 1398,5, в 2019 г. – 1379,5, в 2018 г. – 1356,8.

Данные расчеты свидетельствуют о наличии волнообразной тенденции плавного увеличения и последующего сокращения количества зарегистрированных преступлений в период с 2018 по 2022 г. Их количество в расчете на 100 000 человек, проживающих на территории Российской Федерации, в рассматриваемый период сократилось на 13,6, разница с максимальным подъемом, зарегистрированным в 2020 г., составила 55,3 преступления.

Анализ различных массивов данных статистических сведений о насильствен-

¹ Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PzPopul2023_ (дата обращения: 22.12.2023).

ной преступности позволил нам установить следующее: по итогам 2018 г. было зарегистрировано 239 263 насильственных преступления против личности, доля таких преступлений в общей массе составила 12,1%, в 2019 г. всего было зарегистрировано 2 024 337 преступлений, из них насильственных – 222 294, доля которых составила 10,98%, в 2020 г. (всего – 2 044 221, насильственных – 213 517) их доля была равна 10,44%, в 2021 г. (всего – 2 004 404, насильственных – 204 940) – 10,22%, в 2022 г. (всего –

1 966 795, насильственных – 193 216) – 9,82%.

Данные статистики позволяют говорить о наличии плавной, стабильной положительной динамики сокращения общего числа насильственных преступлений в течение последних 5 лет. В среднем ежегодно их количество от общего числа зарегистрированных сокращается на 0,6%, однако доля стабильно составляет около 10%. В реальном выражении ежегодно в среднем регистрируется на 11 512 насильственных преступлений меньше (рис. 1).

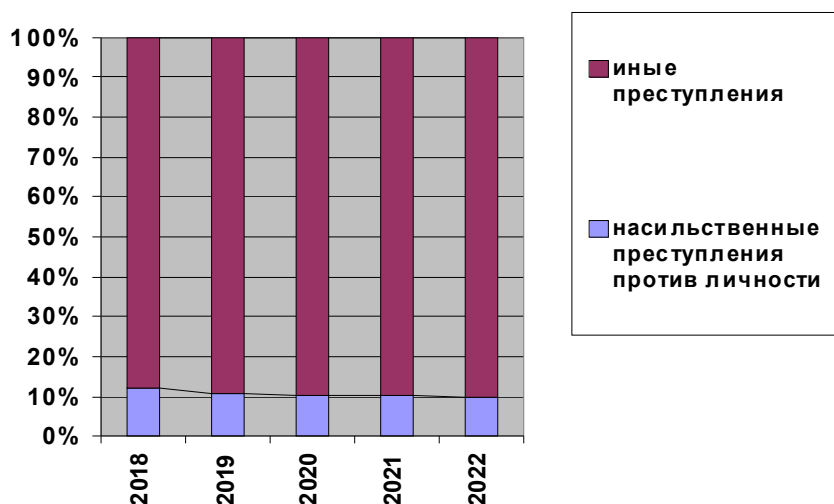

Рис. 1. Доля насильственных в общей массе зарегистрированных преступлений

В рамках исследования анализу были подвергнуты статистические данные о количестве совершенных насильственных преступлений предусмотренных 79 статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, 50 из которых относятся к категории тяжких и особо тяжких преступлений¹.

Доля тяжких и особо тяжких насильственных преступлений в общей массе

всех зарегистрированных преступлений такой категории представлена следующим образом: в 2018 г. – 19,6%, в 2019 г. – 16,6%, в 2020 г. – 13,9%, 2021 г. – 13,4%, 2022 г. – 13,1%, полученные результаты обусловлены не только объективным снижением количества зарегистрированных насильственных преступлений против личности, но и ростом общего количества тяжких и особо тяжких преступлений (2018 г. – 448 174, 2022 г. – 536 997), их прирост за пять лет составил 20%, в частности прослеживается увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникаци-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ: послед. ред. // Консультант Плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.12.2023).

онных технологий. Так, например, согласно официальным данным, приведенным в отчете МВД за 2019 г., говорится, что в течение года зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, или на 68,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 8,8% в январе – декабре 2018 г. до 14,5%. 48,5% рассматриваемых преступлений относятся к категориям тяжких и особо тяжких: 142,7 тыс. (+149,0%). Четыре таких преступления (80,0%) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества: 235,5 тыс. (+83,2%). Каждое двенадцатое (8,4%) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 24,7 тыс. (+31,2%)¹.

В 2018 г. доля тяжких и особо тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья от общего количества насильственных преступлений составила 36,6%, в 2019 г. – 36,7%, в 2020 г. – 36,5%, в 2021 г. – 36,7%, в 2022 г. было зарегистрировано совершение 73 655 тяжких и особо тяжких преступлений такой категории, что составило 38,1% от общего количества насильственных преступлений. Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что несмотря на плавное сокращение общего количества насильственных преступлений против личности доля тяжких и особо тяжких преступлений остается стабильно высокой и в 2022 г. демонстрирует небольшой рост на 1,3%.

Для наглядности структура насильственной преступности против личности, исходя из основного объекта, на который

направлено посягательство, представлена в виде диаграммы (рис. 2).

Очевидно, что большую часть в структуре насильственных преступлений против личности составляют преступления против жизни и здоровья. В течение последних пяти лет их доля была не менее 75% от общего количества, также мы можем видеть незначительные колебания в диапазоне 3% как в сторону сокращения, так и в сторону их увеличения.

Относительно корыстно-насильственных преступлений можно отметить, что их часть в структуре насильственной преступности относительно стабильна и равна в среднем 11,7%. Несомненный интерес в общей структуре рассматриваемой категории преступлений вызывает динамика совершения вымогательств, поскольку в рамках общей тенденции сокращения количества таких преступлений число вымогательств неуклонно растет, средний ежегодный прирост составил порядка 10%, что в реальном выражении равно 774 преступлениям. Самый значительный рост был зафиксирован по итогам 2022 г. и составил 25%.

В рамках проводимого исследования заслуживают отдельного внимания такие категории преступлений, как совершенные на сексуальной почве и против государственной власти. Это продиктовано тем, что не только их доля в течение последних пяти лет, но и реальное количество совершаемых преступлений, на фоне общего сокращения насильственной преступности, показывает стабильную динамику роста. Данный факт свидетельствует о наличии определенных просчетов в рамках провидимой профилактики. Будет справедливым отметить, что прирост за пять лет составил всего 1,6%, в реальном выражении 998 преступлений, совершенных на сексуальной почве, и 714 преступлений против государственной власти, однако при этом не следует упускать из вида то, что данные преступления в подавляющем большинстве относятся к

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 22.12.2023).

категории тяжких и особо тяжких. Они, как правило, освещаются средствами массовой информации, вызывают общественный резонанс и влияют на общий уровень состояния защищенности насе-

ления. Данные тенденции настораживают и требуют внимания со стороны государственного аппарата с целью недопущения дальнейшего роста.

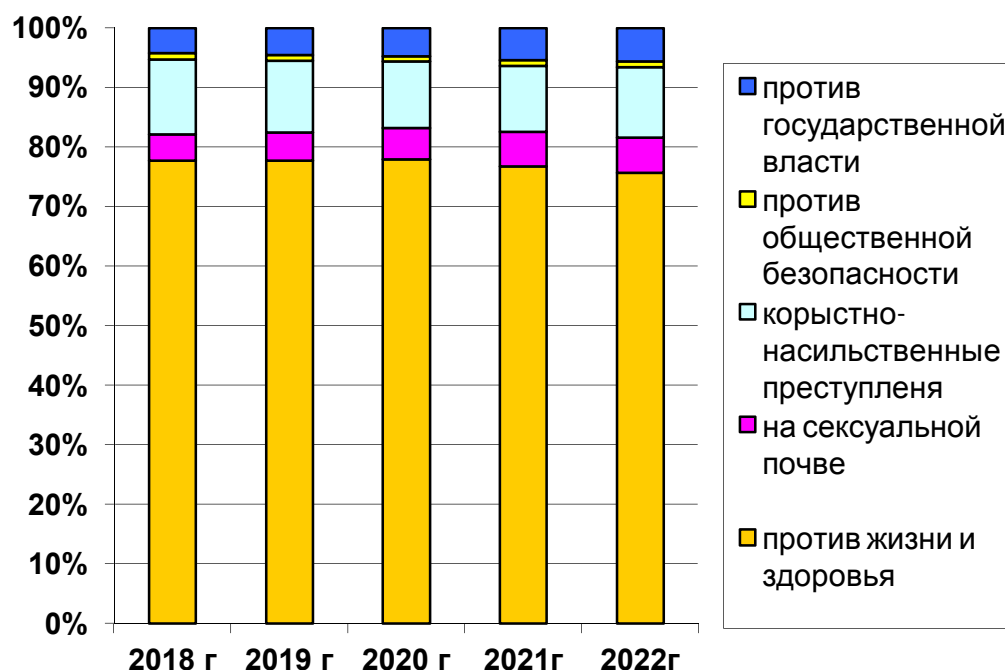

Рис. 2. Структура насильственной преступности в России в период с 2018 по 2022 г.

Официальные статистические данные за 2018–2022 гг. отражают позитивную динамику сокращения числа лиц, погибших от преступных посягательств на 4,2 тыс. человек; на 8,2 тыс. человек сокращение числа лиц, которым в результате преступных посягательств был причинен тяжкий вред здоровью. Вместе с этим по итогам 2022 г. произошел рост количества совершенных убийств и покушений на убийство на 4%, что не может не вызывать тревогу, поскольку в абсолютных цифрах это составило 306 преступлений в сравнении с показателями 2021 г.

В свою очередь, положительные тенденции количественных показателей преступности далеко не всегда свидетельствуют о реальном оздоровлении криминальной обстановки, поскольку общее сокращение количества зарегистрированных преступлений может говорить как о

снижении эффективности деятельности правоохранительных органов, так и об утрате населением доверия к органам государственной власти и росте латентного сегмента преступности. Если вести речь о феномене латентной преступности, необходимо отметить, что в научном сообществе до настоящего времени нет однозначного подхода к его толкованию. В контексте нашего исследования будет целесообразным взять за основу следующее понимание, приведенное В. В. Лунеевым: «...реальная, но скрытая или незарегистрированная часть фактически совершенных преступлений»¹. Данную позицию в своих работах также разделяет С. М. Иншаков [18, с. 110].

В настоящее время в рамках криминологической науки еще не разработаны

¹ Лунеев В. В. Криминология. М.: Юрайт, 2015. С. 382.

действенные методы прямого изучения уровня латентной преступности, в связи с чем говорить об определении ее точного уровня не представляется возможным. Следует констатировать, что знания о латентной преступности носят вероятностный характер [18, с. 113]. Для ориентировочного понимания существующей ситуации в связи с отсутствием официальных данных ее показателей обратимся к исследованиям таких видных деятелей науки, как В. Е. Квашис и Н. В. Генрих. В результате проведенного анализа они пришли к выводу, что общее число преступлений, совершенных в России, по итогам 2015 г. составляло не менее 11–12 млн, тогда как официальные данные зарегистрированных преступлений составили 2,4 млн, что в 4,5 раза меньше [19, с. 19]. Одной из основных причин искажения статистических данных в Российской Федерации в среде ученых криминологов принято считать специфическую оценку эффективности деятельности правоохранительных органов, исходя из которой для улучшения показателей многие сотрудники стремятся безосновательно снизить количество зарегистрированных преступлений, что порождает явление искусственной латентности преступлений. Указанные факторы неразрывно связаны и имеют непосредственное влияние на уровень доверия населения правоохранительным органам. Взаимозависимость этих явлений трудно переоценить – «играя» со статистикой, мы неизбежно попадаем в порочный замкнутый круг, где искусственная латентность формирует уже реальную латентность преступлений. Чем ниже уровень доверия, тем меньше люди обращаются с заявлениями о совершенных в отношении них противоправных деяниях, в свою очередь увеличивая сегмент латентной преступности и снижая эффективность деятельности всей правоохранительной системы.

Принимая искусственную латентность преступлений как один из факто-

ров, который может существенно искажать результаты статистического учета всех совершенных преступлений, в том числе и насильственных преступлений против личности, следует более детально рассмотреть указанный феномен. Прежде всего необходимо понять причины данного явления. Поддерживая точку зрения научного сообщества, согласимся с тем, что одним из факторов является существующая система оценки эффективности деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденная приказом МВД России от 31 декабря 2013 г. №1040. Ведомственная оценка эффективности выполнения основных полномочий, возложенных на органы внутренних дел, производится исходя из соотношения статистических показателей оцениваемого территориального органа внутренних дел (далее – ТОВД) с показателями всех подразделений, осуществляющих свою деятельность на территории региона.

Формируется рейтинг подразделений в отношении руководителей подразделений, занимающих нижние строки, принимаются организационные и управленческие решения, одним из которых является постановка ТОВД на «особый контроль». Постановка на «особый контроль» подразумевает увеличение количества мероприятий, направленных на проверку качества выполнения сотрудниками своих должностных обязанностей по разным направлениям деятельности, что объективно вполне разумно, однако в рамках осуществления данной системы на практике нередко можно встретить перекосы, и количество проверок выходит за разумные рамки, «парализуя» работу всего подразделения.

Все последние годы официально отмечаются положительные изменения в органах внутренних дел (далее – ОВД), связанные в первую очередь с отказом от «палочной системы». Вместе с тем нельзя

не упомянуть, что на практике «палочная система» не везде изжила себя полностью, а в ряде территорий трансформировалась в «перспективу раскрытия преступлений», которая определяется на уровне конкретных территориальных подразделений, а также краевых управлений, исходя из показателей предыдущего отчетного года. «Улучшение отчетности» любой ценой – это, по сути, новое проявление «палочной системы». О неэффективности такого подхода говорил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Судя по замечанию Главы государства, проблема носит системный характер¹.

Практика привлечения руководителей подразделений разных уровней как к дисциплинарной, так и к уголовной ответственности позволила существенно сократить число фактов нарушения закона «в погоне» за улучшением показателей, однако говорить о том, что «палочная система» стала пережитком прошлого и перестала выступать фактором, сдвигающим сотрудников полиции на сознательные нарушения закона и учетно-регистрационной дисциплины, на наш взгляд, еще рано.

Подобные факты наличествуют и по настоящее время. Так, в рамках проведенной проверки прокуратурой Брянской области было проверено исполнение региональным управлением МВД России законодательства об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации. Надзорными мероприятиями установлены многочисленные факты искажения сведений о количестве лиц, потерпевших от преступных посягательств, а также о

причиненном материальном ущербе, его возмещении, изъятии имущества, денег, ценностей. За допущенные нарушения к дисциплинарной ответственности привлечены 60 должностных лиц².

Пытаясь избежать привлечения к дисциплинарной и иного рода ответственности, руководители отдельно взятых ТОВД идут на целенаправленное изменение статистических данных, так называемую «игру со статистикой». Она может выражаться как в полном, так и в частичном изменении предоставляемых данных. В практических органах это реализуется следующими способами: не ставится отметка о бытовом характере совершенного преступления; перед отчетным периодом по надуманным основаниям вносятся исправления в соответствующие статистические документы; скрываются факты совершения преступлений группой лиц путем присвоения статуса свидетеля лицу, фактически совершавшему преступление в соучастии, что положительно влияет на статистические данные, а также упрощает доказательный процесс по уголовному делу; искусственно затягиваются сроки принятия решения по делу для того, чтобы оно пошло в учет в следующем отчетном периоде; принимаются необоснованные решения о прекращении производства по делу; необоснованно продлеваются сроки доследственной проверки с целью сохранения определенного состояния статистики перед отчетным периодом.

Со стороны рядовых сотрудников, на которых возложены обязанности по регистрации и рассмотрению сообщений о преступлениях, это также может выражаться в различных действиях, начиная с

¹ Владимир Путин потребовал радикального пересмотра «палочной системы» в Полиции // Русское Агентство Новостей: сайт. URL: <http://путин.ru-an.info/новости/владимир-путин-потребовал-радикального-пересмотра-палочной-системы-в-полиции> (дата обращения: 22.12.2023).

² За искажение официальной статистической отчетности должностные лица регионального управления внутренних дел привлечены к ответственности // News.myseldon: сайт. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/286183124> (дата обращения: 20.12.2023).

банального неприятия заявления о преступлении и его нерегистрации, заканчивая иными более изощренными действиями. Следует признать, что идет постоянный контроль подобных фактов со стороны подразделений, ответственных за учетно-регистрационную дисциплину. Широко используется практика «учебных вводных» о преступлениях и происшествиях. Принимая это во внимание, рядовые сотрудники пытаются скрыть факт совершения преступления иными способами, например: в рамках проведения предварительной проверки отражают недостоверные факты в объяснениях; не отражают существенные детали, которые свидетельствуют о противоправности совершенного деяния и, как результат, выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела либо списывают материалы проверки в номенклатурное дело в связи с отсутствием оснований для проведения проверки в рамках ст. 143–144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. По оценкам экспертов, «деяния, сокрытые от учета, таким образом, занимают наибольший удельный вес в структуре субъективно-латентной преступности» [20, с. 110].

Также в рамках сбора первоначального материала убеждают потерпевших в неэффективности правоохранительной системы; намеренно в разговоре с потерпевшими преувеличивают время и трудозатратность производства проверки, вследствие чего последние дают показания, направленные на прекращение всякого разбирательства по существу дела или начинают отрицать факт совершения в отношении них противоправного деяния¹. Также со стороны сотрудников органов внутренних дел на потерпевших может оказываться влияние путем насаж-

дения чувства ложной ответственности за дальнейшую судьбу лиц, совершающих противоправные деяния, призывов к мнимой добродетели. Зачастую потерпевшие, ведущие антиобщественный образ жизни, сообщив о совершенном в отношении них противоправном деянии, сами не хотят дальнейшего разбирательства и готовы быть привлечены к административной ответственности за заведомо ложный вызов полиции по ст. 19.13 Кодекса об административной ответственности Российской Федерации.

Частично данные факты выявляются как в рамках внутриведомственного контроля, так и прокурорского надзора, что находит свое отражение в официальной статистике. В качестве примера рассмотрим статистические данные за 2022 г. По итогам 2022 г. в производстве подразделений ОВД находилось 2 360 445 уголовных дел, из которых 204 556 были возбуждены при отмене постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (удельный вес +8,7), из них 131 246 уголовных дел были возбуждены в рамках осуществления надзорной деятельности органами прокуратуры, удельный вес данной категории дел увеличился на 64,2.

Субъектами, оказывающими влияние на уровень искусственной латентной преступности, являются две категории сотрудников ОВД:

- руководители и лица, ответственные за ведение статистических данных;
- рядовые сотрудники, в прямые обязанности которых входит регистрация и рассмотрение сообщений о преступлениях.

Справедливым будет отметить, что, помимо специфики ведения статистического учета, существует целый спектр других причин, обуславливающих данное явление. К ним можно отнести: личностные качества руководителей и рядовых сотрудников, проблемных потерпевших и правонарушителей, большую нагрузку и

¹ Муслов Б. В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики производства: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 147.

кадровый голод в системе МВД России, непрофессионализм, отсутствие необходимого практического опыта и формальную работу института наставничества, коррумпированность отдельных сотрудников и т. д. Однако, на наш взгляд, именно существующая специфика статистического учета и оценки эффективности деятельности ТОВД обуславливает ее системность и повсеместное распространение¹.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что рассмотреть криминологический аспект насильственной преступности против личности при существующем статистическом учете представляется возможным лишь условно, поскольку до настоящего времени в научной среде нет единого подхода к ее пониманию. Преступления, которые можно отнести к данной категории, рассредоточены по разным главам Уголовного кодекса Российской Федерации. Более того, дискуссионным остается вопрос отнесения корыстно-насильственных преступлений к категории насильственных преступлений против личности. Отсутствуют статистические формы, направленные на сбор сведений относительно насильственной преступности. Частичные сведения можно вычленивать из массива статистических данных о бытовой преступности, «пьяной преступности», учтенных преступлениях, совершенных при рецидиве, в общественных местах, и иных разделах статистической отчетности, что, в свою очередь, делает весьма трудозатратным формирование полноценной картины насильственной преступности, которая объективно существует на со-

временном этапе развития России, а для сотрудников практических органов просто нецелесообразным.

Разработка и внедрение статистических форм, направленных на сбор сведений о насильственной преступности против личности, которая бы включала сведения о насильственных преступлениях, содержащихся во всех главах Уголовного кодекса Российской Федерации, на наш взгляд, могла бы иметь ощутимый положительный эффект, как для теоретических исследований, так и для практической деятельности сотрудников ОВД. Постоянный мониторинг динамики изменения количественного и качественного состояния насильственной преступности позволил бы вовремя обратить внимание на ее отдельные направления, что подтверждается результатами проведенного исследования, а именно, несмотря на общее сокращение количества регистрируемых насильственных преступлений, выявлен рост такого рода преступлений, совершенных на сексуальной почве, а также против государственной власти, что дает основания полагать наличие определенных недостатков в работе системы правоохранительных органов и на этом фундаменте разработать необходимые рекомендации, направленные на их преодоление.

Трудно оценить реальный уровень латентной преступности, учитывая широкий круг причин, обуславливающих ее существование, в том числе «искусственной латентности», в образовании которой задействованы как руководители, так и рядовые сотрудники ОВД.

Реализация комплекса мер, направленных на повышение эффективности работы системы МВД России, с одной стороны, позволила значительно снизить количество фактов укрытия сообщений граждан о преступлениях и происшествиях от учета в официальной статистике. С другой стороны, рано говорить о полном

¹ Реакция МВД на обвинение в фальсификации статистики // Новости – другое мнение: сайт. URL: <https://o-mnogom.ru/reaktsiya-mvd-na-obvinenie-v-falsifikatsii-statistiki/> (дата обращения: 20.12.2023).

искоренении данной порочной практики, поскольку произошли видоизменения способов сокрытия реального количества преступлений сотрудниками полиции, продиктовав необходимость разработки новых управленческих решений, направленных на их выявление и пресечение. На наш взгляд, реально на сокращение уровня «искусственной латентной преступности» могло бы повлиять изменение системы, учета оценки эффективности деятельности ТОВД. Заметим, что оценивать результаты деятельности отделов полиции, обслуживающих территории с кратко отличающимся количеством населения, в соотношении друг с другом не в полной мере корректно. Поскольку совершение даже одного преступления рейтинговой категории на территории обслуживания отдела с маленьким количеством населения может существенно ухудшить его положение в общем зачете по сравнению с более крупными территориальными отделами, где фактически было совершено большее количество подобных преступлений, т. е. получается, чем больше количество населения и обслуживаемая территория, тем меньше «цена» одного преступления. С нашей точки зрения, большее внимание при оценке эффективности деятельности территориальных отделов полиции стоило бы обратить на мнение населения об

уровне их безопасности и защищенности, а при проведении экспертной оценки работать и ввести коэффициент, уравнивающий «цену» преступления для отделов полиции с принципиально разными характеристиками обслуживаемой территории.

Кроме того, дополнительного обсуждения и пересмотра требует ряд позиций, закрепленных приказом МВД России № 1040 в качестве рейтинговых. Например, на наш взгляд, звучит недостаточно обоснованно позиция о возмещении вреда потерпевшим, поскольку ставит перед сотрудниками несвойственную им задачу, более того, на практике может спровоцировать ситуацию, когда сотруднику будет «выгоднее» скрыть преступление, чем зарегистрировать и заниматься его расследованием и раскрытием. Например, в случае выявления оперативным сотрудником кражи имущества с производства в крупном или особо крупном размере лицом, которое будет не способно покрыть причиненный ущерб. С позиции влияния на рейтинг раскрытое преступление меньше повлияет на повышение рейтинговой позиции, чем увеличившаяся сумма не возмещенного ущерба на его снижение, и, как ни парадоксально, сотруднику будет «выгоднее» оставить без учета даже уже фактически раскрытое преступление.

Список литературы

1. Абельцев С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия: монография. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 2000. 206 с.
2. Гишинский Я. И. Социальное насилие: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2013. 185 с.
3. Антонян Ю. М. Насильственная преступность в России // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. М.: ИНИОН, 2001. 99 с.
4. Насильственная преступность / С. В. Бородин, Г. Л. Кригер, С. В. Кудрявцев [и др.]; под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 1997. 139 с.
5. Скифский И. С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование: монография. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 275 с.

6. Гаухман Л. Д. Насилие как средство совершения преступления: монография. М.: Юрид. лит., 1974. 167 с.
7. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве: монография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 298 с.
8. Базаров Р. А., Третьяков А. С. Уголовно-правовая превенция тяжких насильственных преступлений: монография. Челябинск: Урал. акад., 2004. 152 с.
9. Козаченко И. Я., Сабиров Р. Д. Уголовно-правовое понятие насилия // Уголовный закон и совершенствование мер борьбы с преступностью: межвузовский сборник научных трудов / под ред. М. И. Ковалева [и др.]. Свердловск: Урал. ун-т, 1981. С. 18–28.
10. Ильяшенко А. Н. Борьба с насильственной преступностью в семье: монография / под ред. П. Г. Пономарева. М.: ВНИИ МВД России, 2003. 186 с.
11. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2021. 912 с.
12. Волконская Е. К. Криминологическое понятие рецидива насильственных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. №3. С. 140–146.
13. Антонян Ю. М., Волконская Е. К. Понятие насильственного преступления // Научный портал МВД России. 2013. № 1(21). С. 3–8.
14. Артюшина О. В. Криминологическая характеристика насильственной преступности в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 18–22.
15. Абельцев С. Н. Социальные свойства преступлений против личности // Вестник Томского государственного университета. 2000. № 4(20). С. 84–88.
16. Татарников В. Г., Никитин Ю. П. Система преступлений против личности и проблемы ее совершенствования // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3 (27). С. 24–33. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2020.3.4>.
17. Тищенко В. Н. Признаки объективного в динамике современной преступности в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 3(11). С. 148–154.
18. Иншаков С. М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. С. 107–130.
19. Квашиш В. Е., Генрих Н. В. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 17–21.
20. Гаврилов Б. Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. 2-е изд. М.: Проспект, 2007. 120 с.

References

1. Abel'cev S. N. Lichnost' prestupnika i problemy kriminal'nogo nasiliya [Personality of a delinquent and problems of criminal violence]. Moscow, Zakon i pravo Publ., YUNITI Publ., 2000. 206 p.
2. Gilinskij Ya. I. Social'noe nasilie [Social violence]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2013. 185 p.

3. Antonyan Yu. M. Nasil'stvennaya prestupnost' v Rossii [Violent crime in Russia]. Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu v Rossii i za rubezhom [Topical issues of combating crime in Russia and abroad]. Moscow, INION Publ., 2001. 99 p.
4. Borodin S. V., Kriger G. L., Kudryavcev S. V., eds. Nasil'stvennaya prestupnost' [Violent crime]; ed. by V. N. Kudryavcev, A. V. Naumov. Moscow, Spark Publ., 1997. 139 p.
5. Skifskij I. S. Nasil'stvennaya prestupnost' v sovremennoj Rossii: ob"yasnenie i prognozirovaniye [Violent crime in modern Russia: explanation and prediction]. Tyumen, Vektor Buk Publ., 2007. 275p.
6. Gauhman L. D. Nasilie kak sredstvo soversheniya prestupleniya [Violence as a means of committing a crime]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1974. 167 p.
7. Sharapov R. D. Fizicheskoe nasilie v ugodovnom prave [Physical violence in criminal law]. St. Petersburg, Yurid. centr Press, 2001. 298 p.
8. Bazarov R. A., Tret'yakov A. S. Ugolovno-pravovaya prevenciya tyazhkih nasil'stvennyh prestuplenij [Criminal law prevention of serious violent crimes]. Chelyabinsk, Ural Acad. Publ., 2004. 152 p.
9. Kozachenko I. Ya., Sabirov R. D. [The criminal law concept of violence]. *Ugolovnyj zakon i sovershenstvovanie mer bor'by s prestupnost'yu. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Criminal law and improvement of measures to combat crime. Inter-university collection of scientific papers]; ed. by N. M. Kovalev, eds. Sverdlovsk, Ural. Univ. Publ., 1981, pp. 18–28 (In Russ.)
10. Il'yashenko A. N. Bor'ba s nasil'stvennoj prestupnost'yu v sem'e [The fight against violent crime in the family]; ed. by P. G. Ponomarev. Moscow, VNII MVD Rossii Publ., 2003. 186 p.
11. Luneev V. V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii [Crime of the XX century: global, regional and Russian trends]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2021. 912 p.
12. Volkonskaya E. K. Kriminologicheskoe ponyatie recidiva nasil'stvennyh prestuplenij [Criminological concept of recidivism of violent crimes]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 3, pp. 140–146.
13. Antonyan YU. M., Volkonskaya E. K. Ponyatie nasil'stvennogo prestupleniya [The concept of violent crime]. *Nauchnyj portal MVD Rossii = The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 1 (21), pp. 3–8.
14. Artyushina O. V. Kriminologicheskaya harakteristika nasil'stvennoj prestupnosti v sovremennoj Rossii [Criminological characteristics of violent crime in modern Russia]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 2 (20), pp. 18–22.
15. Abel'cev S. N. Social'nye svoystva prestuplenij protiv lichnosti [Social properties of crimes against the person]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*, 2000, no. 4. (20), pp. 84–88.
16. Tatarnikov V. G., Nikitin Yu. P. Sistema prestuplenij protiv lichnosti i problemy ee sovershenstvovaniya [The system of crimes against the person and the problems of its improvement]. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Journal of Law*, 2020, no. 3 (27), pp. 24–33. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2020.3.4>
17. Tishchenko V. N. Priznaki ob"ektivnogo v dinamike sovremennoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii [Signs of the objective in the dynamics of modern crime in the Russian Federa-

tion]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Journal of Economics and Law*, 2009, no. 3 (11), pp. 148–154.

18. Inshakov S. M. Latentnaya prestupnost' kak ob'ekt issledovaniya [Latent crime as an object of research]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: yesterday, today, tomorrow*, 2009, no. 16, pp. 107–130.

19. Kvashis V. E., Genrih N. V. Sravnitel'nyj analiz latentnoj prestupnosti v Rossii i zarubezhnyh stranah: problemy metodologii i metodiki [Comparative analysis of latent crime in Russia and foreign countries: problems of methodology and methodology]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (36), pp. 17–21.

20. Gavrilov B. YA. Latentnaya prestupnost': ponyatie, struktura, faktory latentnosti i mery po obespecheniyu dostovernosti ugovnoy statistiki [Latent crime: concept, structure, latency factors and measures to ensure the reliability of criminal statistics]. 2nd ed. Moscow, Prospect Publ., 2007. 120 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Яхонтова Яна Сергеевна, адъюнкт, Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: yana.barnaul@gmail.com, ORCID: 0009-0002-2121-8589, Researcher ID IST-6587-2023

Yana S. Yakhontova, Adjunkt, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, e-mail: yana.barnaul@gmail.com, ORCID: 0009-0002-2121-8589, Researcher ID IST-6587-2023